

Попадание в провинциальную сборную означало ещё более чёткую и материальную систему поощрений — за призовые места на соревнованиях полагались денежные премии. В зависимости от уровня состязаний, если хватало способностей выступить на мировом уровне и занять место, то премия начиналась от десятков тысяч юаней. Олимпийскому чемпиону сборная могла выдать премию в сто-восемьдесят тысяч — это мелочи! Однако для семьи У Хуая такой суммы хватило бы на первоначальный взнос за квартиру в их городе!

Короче говоря, У Хуай радостно позвонил маме, сообщив, что у малыша теперь тоже есть зарплата, что малышу больше не нужна мамина зарплатная карта, и что с этого дня малыш будет содержать маму.

От этих слов у мамы покатались слёзы градом — и тронуло, и сердце щемит.

Ха-ха!

Какое же прекрасное будущее ждёт впереди!

Пусть тот дурацкий, досадный осадок развеется по ветру. Сейчас же, малыш Хуай, беги навстречу солнцу!

После заселения в новое общежитие началась вторая половина семестра в школе. Рядом с Институтом физкультуры находилось среднее специальное училище, куда определяли не достигших возраста юных спортсменов. Это было что-то вроде спортивного техникума, где учились и приехавшие из других регионов одарённые спортивные кадры, и те, кто просто просиживал время ради диплома, и такие профессиональные спортсмены, как У Хуай и его товарищи. После выпуска некоторые получали диплом техникума и уходили, а те, у кого были хорошие спортивные результаты, по особому набору поступали в Институт физкультуры на бакалавриат.

Особая школа, особый подход к обучению. Спортивный техникум делился на учебные классы и спортивные классы. Спортивные классы занимались утром, а после обеда тренировались. Причём таким, как У Хуай, разрешалось в любое время брать отгулы на тренировки. Говорят, один такой умелец за весь семестр не посетил и десяти занятий, но из-за выдающихся спортивных достижений, даже не выучив все 26 букв английского алфавита, поступил в физкультурный вуз, а потом даже и в аспирантуру.

Такая ситуация, на самом деле, довольно распространена по всей стране.

Спросите любых чемпионов мира — все они числятся студентами, но вот до выпуска дойти не могут. Некоторые уже завершили карьеру, женились, детей завели, а всё ещё числятся в аспирантуре.

У Хуая и Се Юэняня определили в один класс. Одна треть учеников были новичками, набранными в этом году в различные команды провинциальной сборной. Остальные две трети были одарёнными спортивными кадрами, чьей конечной целью был либо поступление в физкультурный вуз, либо попадание в провинциальную сборную.

Они отличались от этих одарённых спортивных кадров.

Разница в статусе была очевидна. Они пришли учиться, чтобы освоить базовую грамотность, в то время как одарённые спортивные кадры видели в техникуме трамплин для прыжка вверх. Поэтому с самого начала те испытывали к ним довольно сложные чувства — возможно, зависть, может быть, ревность, а конечно же, некоторую долю отторжения и неприятия,

сродни «зелен виноград».

К счастью, тренировочная нагрузка в провинциальной сборной не снизилась с началом учёбы, поэтому У Хуай бывал в школе нечасто. Если бы не специальный блокнотик, который учитель выдавал им с расписанием обязательных занятий на неделю, они могли бы вообще не появляться в школе.

Интенсивность тренировок была слишком высока, тело изматывалось, концентрация падала, так что даже в школе они в основном отсыпались.

Однако такой образ жизни был для них привычен.

Каждый день выкладываться до предела, потом выспаться — и вот уже снова полон сил, готов встретить новые вызовы.

Тренировки в провинциальной сборной вновь вернулись в бассейн. Цвет кожи У Хуая с невероятной скоростью восстановился до первоначального белого и нежного оттенка. Изящная внешность в сочетании со светлой кожей, свежий и сияющий вид — казалось, щипнёшь, и брызнет соком.

Однако эти изменения были не главным. По-настоящему У Хуая поразили перемены, произошедшие с Се Юэнянем и Ван Хайтао.

Их кожа восстанавливала цвет медленно. Сначала это было не особо заметно, но в один прекрасный день, взглянув на них, он вдруг обнаружил, что братишка Нянь оказался этакой милой плюшкой!? А старший брат Ши сэдзи стал, блин, ещё красивше!!

У братишки Няня были большие глаза, в остальном черты лица мелкие. Однако смуглость ухудшает внешность втрое, и прежде он производил впечатление неиссякаемого энерджайзера и отъявленного маньяка-развратника.

Но когда кожа посветлела, выделив его густые брови, аккуратный прямой нос и ещё не совсем ушедшую детскую пухлость, вместе с пухлыми губками-бутонами, вся его боевитость будто испарилась, превратив его в мягкую плюшку, которую так и хочется потыкать.

Братишка Нянь, глядя в зеркало, завопил:

— Ё-моё! Верните мне лицо грубияна!

А затем, разозлившись, братишка Нянь, следуя примеру У Хуая, перестал тренироваться в шапочке, надеясь обесцветить волосы до золотисто-каштанового оттенка и составить с У Хуаем парочку «мойка-стрижка-укладка».

Что касается старшего брата Ши...

Цы-цы.

Лёгкие чёрные брови, вишнёвые губки, алые без всякой помады, чарующие, пленительные глаза-персики, в которых при повороте искрится блеск, лёгкий румянец на щеках. Взглянешь — и кажется, будто видишь роскошный, пышно цветущий пион, ослепительной красоты, непревзойдённого очарования.

Старший брат Ши, стоя перед зеркалом, эффектно встряхнул волосами, улыбнулся, прищулив

лись глазки, и, казалось, был невероятно доволен своей нынешней внешностью.

У Хуай посмотрел налево, посмотрел направо и решил, что его собственный образ всё же более свеж и мил.

В конце сентября У Хуаю посчастливилось застать тайфун — удовольствие, доступное лишь в приморских городах. Он стоял у окна в общежитии, но не видел ничего за стеклом. Капли дождя размером с боб почти летели горизонтально, с треском барабана по стёклам, как стальные шарики. Хлипкие окна и двери жалобно стонали под напором ураганного ветра, готовые вот-вот рухнуть.

Тайфун бушевал весь день и всю ночь. На следующее утро, выйдя на зарядку, они увидели вдоль дороги множество сломанных веток и опавшей листвы, повсюду — осыпавшиеся цветы и поникшие ветви. Воздух был холодным и влажным, в шортах и майке было очень зябко. Похоже, в Гуандуне, наконец, официально наступила осень.

Однако самонадеянность У Хуая не имела под собой научных оснований. Через три дня температура резко подскочила. Солнце, высоко висящее в небе, высушило влагу с поверхности земли. Люди будто парились в сауне, в любой момент покрываясь потом.

Однажды во время тренировки у У Хуая подкосились ноги, он рухнул на пол и не мог подняться. Только тогда он понял, что заболел.

Если говорить о родном городе У Хуая, то это место с ярко выраженной сменой времён года, довольно высоко над уровнем моря, с обилием солнечного света и небольшим количеством осадков в год. В самую сильную жару стоило встать в тени дерева или под крышей, как прохладный ветерок, пробегая по волосам, мгновенно сгонял пот.

У Хуай легко переносил высокогорье, ультрафиолет, засуху, но совершенно не выносил эту ни влажную, ни сухую погоду.

Болезнь навалилась как лавина. У Хуай сильно перегрелся на солнце, в итоге его даже пришлось отправить в больницу. Лишь после нескольких капельниц он смог кое-как встать и ходить. Позже У Хэн, опасаясь, что в общежитии У Хуаю станет хуже, забрал его к себе в комнату, включил кондиционер и дал отдохнуть целый день. После этого цвет лица немного улучшился.

Пока У Хуай поправлялся в комнате, У Хэн тренировался с двумя оставшимися. Тогда он и заметил, что в бассейне тренируется не так много людей. Порасспросив, узнал, что в последние дни в Гуанчжоу была плохая погода, и те тренеры, у кого были связи, увезли своих подопечных на другие тренировочные базы. Сейчас на внешних базах яблоку негде упасть, а они не успели записаться, поэтому и остались.

Тот тренер ещё добавил:

— Спортсмены — тоже люди. Не думайте, что они железные, у них тоже есть предел выносливости. В такую погоду нам, даже если ничего не делать, очень некомфортно, не то что им, кому нужно выкладываться на тренировках. Потренировавшись весь день, ночью не выспишься, на следующий день точно не будет сил снова тренироваться.

У Хэн посмотрел на своих двух оставшихся саженцев — лица у них действительно были землистого оттенка — и задумался.

У Хэн был новым тренером и не успел акклиматизироваться, но он был смелым и внимательным человеком. По этому вопросу он решил обратиться не к руководству сборной, а к коллегам своего уровня. Рассуждал он так: раз уж просить, то нужно обращаться к самым крутым.

Итак, после ужина, с сигаретой в зубах, он отправился в комнату Тан Ханя.

Тан Хань был женат, ребёнок уже всю бегал, но сборная всё равно оставляла для него комнату в общежитии, где он ночевал в дни дежурств. Он воспитал нескольких отличных спортсменов, получал от сборной кучу премий, его приглашали на телепередачи. Он не был миллионером, но и не бедствовал, купить дом в Гуандуне для него было более чем посильно.

В этот день Тан Хань как раз был дежурным.

Не думайте, что со взрослыми спортсменами проще — если уж они вздумают погулять, то доставят куда больше хлопот, чем подростки, потому что умеют думать головой, знают, как обмануть начальство и скрыть правду, а последствия их выходов возрастают в геометрической прогрессии. Самый яркий пример: пока У Хуай и компания застряли на стадии просмотра фильмов, их старшие товарищи уже перешли к практике — тайком сбегали в караоке, бары, на свидания, без присмотра никак нельзя.

<http://bllate.org/book/15581/1387554>